

СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Работа представлена кафедрой политологии и истории Отечества
Института фундаментальной подготовки Сибирского федерального университета.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. Г. Аникевич*

В статье исследуется специфика исторического развития российской системы государственного управления, обусловленная самобытностью субъекта и объекта управления и связей между ними.

***Ключевые слова:** управление, система, государство, общество, субъект, объект, власть.*

A. Bulak

SPECIFIC CHARACTER OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN GOVERNMENT

The author of the article shows that the specific character of the historical development of the Russian government bases on originality of the subject and object of administration and ties between them.

***Key words:** government, system, state, society, subject, object, power.*

Историческое развитие любого государства имеет системный характер – периоды устойчивого существования государства, этапы подъема во всех сферах его жизни сменяются периодами упадка, балансирования между различными политическими силами, борющимися за статус субъекта управления, что выливается в социальные потрясения, революции, войны и смуту. Следовательно, общими типичными чертами и закономерностями развития государственного управления, не зависящими от географиче-

ских, природно-климатических, национальных, политико-экономических и культурных факторов, являются его системный и субъект-объектный характер.

Системность определяет историческое развитие практически всех существовавших и существующих государств, и Россия не является здесь исключением. В России периоды порядка – относительно устойчивого существования системы – сменялись периодами смуты, сопровождавшей очередную смену правящей элиты, которая устанавливала новый порядок.

Уникальность российской государственной системы заключается не только в особенностях переходных периодов развития, но и в специфике структурно-функциональных характеристик, таких как самобытность субъекта и объекта управления и своеобразие связей между ними. Субъекты российской власти отличаются от западных тем, что не встраиваются в систему снизу вверх, являясь при этом ее частью, а надстраиваются над ней, будучи либо пришельцами, либо выходцами из среды, потерявшей общие с народом корни. Поэтому характерной чертой российской власти является ее дистанцирование от народа, что актуально и в настоящее время.

Если в большинстве западных демократий верховная власть, избираемая обществом, тесно с ним связана вопросами собственности и права и подконтрольна ему, то в России на протяжении многовековой истории правящая элита обращается с собственным населением как захватчики с покоренным народом. Это подчеркивают современные исследователи В. В. Ильин, А. С. Панарин и А. С. Ахиезер: «Российское государство на протяжении истории зачастую вело себя так, будто имело дело не с собственным, а с чужим народом – малопонятным и малоценным» [5, с. 219].

Такое отношение власти к народу сформировалось и укрепилось еще во времена Московского государства, когда в результате закрепощения большинство крестьян стали пленниками в собственной стране. Это наблюдалось и в петровско-екатерининскую эпоху, когда насильственная европеизация, подобно иностранной интервенции, разрушала устои российской жизни и многовековые традиции, а правящая элита была настолько оторвана от народа и так ориентирована на западные ценности, что ей были глубоко чужды русский язык, культура и православие. Наиболее драматично это проявилось в ленинско-сталинский период российской истории, когда советской властью проводилась политика государственного террора по отношению к собственному народу. Это сохраняется и в настоящее время, когда центральные властные структуры используют

отдаленные регионы в качестве своеобразных сырьевых колоний.

Российское общество как управляемая структура неоднородно, оно состоит из многих элементов, несущих в себе различные качественные характеристики, определяемые социальными, экономическими, культурными и национальными аспектами. Но вместе с тем общество является цельным пластом, своеобразной почвой, на которой базируется государственная власть в лице правящей верхушки. Почвенность русского народа, во многом определяющая его самобытность, сложилась в период самодержавного правления, когда преобладали догосударственная культура и патриархальные традиции, обусловленные общинной организацией жизни людей. В тоталитарном советском государстве общество стало еще более монолитным путем искоренения чуждых сословий и идеологически вредных субкультур, оно превратилось в единую обезличенную массу, так называемую общность, рождавшую себе подобную власть.

Современное российское общество, хоть и является разнородным и многополярным, по сути, расколото на две неравные по размеру и значению группы. Первая группа, будучи большинством населения, но при этом практически отстраненная от пользования сырьевыми и материальными ресурсами и от участия в политических процессах, на деле является не чем иным, как благодатной почвой, взрастившей и питающей вторую очень немногочисленную группу, сконцентрировавшую в своих руках властные полномочия и львиную долю государственной собственности.

Необходимо подчеркнуть, что специфика системы русского государственного управления обусловлена не только самобытностью субъекта и объекта управления, но и характером взаимосвязей между ними. Как известно, для нормального функционирования любой системы управления необходимо наличие субъекта, объекта, а также прямых и обратных связей между ними. В западной системе прямые и обратные связи между государственными институтами и обществом опосредованы собственностью и законами,

государственные структуры прозрачны и подотчетны выбравшему их населению. В России исторически сложилась односторонняя прямая связь между государством и обществом, имеющая преимущественно директивно-командный характер. Обратные связи заменяются общенародной идеей единства и порядка, олицетворением которых является сильная государственная власть.

Бесспорно, что именно отсутствие полноценного диалога между властью и народом определяло и до сих пор определяет феномен российской государственности. По мнению А. С. Панарина, «особенность нашей истории, касающейся, в частности, взаимоотношений народа и государства, состоит в том, что каждый из персонажей, получив вызов, нередко предпочитает уходить от ответа, предоставляя риск и тяжесть поступка другому персонажу». Причем «народ отказывается от диалога с государством в тот самый момент, когда оно, ослабевшее и трезвее от сознания собственных крайностей и тупиков, наконец оказывается созревшим для такого диалога» [6, с. 122].

На наш взгляд, это происходит потому, что государство всегда стояло над народом, использовало его как средство для своего усиления и вступало с ним в диалог только в кризисные, переломные моменты, грозящие разрушением государственной машины. Народ же, накопивший тягостный груз нерешенных проблем и обид, периодически отказывался «приносить очередную жертву демону государственности», что приводило к парадоксальным результатам. В новой, построенной на обломках устаревшей системе «отодвинутые в сторону и игнорируемые задачи государственности... выступили в несравненно более тяжелой форме, а внешние вызовы – в более грозной ипостаси» [6, с. 121]. Это происходило и в 1917 г., и в 1991 г., когда честный разговор власти с народом был заменен сначала популизмом, а затем насилием, что привело к воспроизведению авторитарной, централистской и бюрократической государственной модели.

Как уже подчеркивалось, и западная, и российская государственная система разви-

ваются по общей закономерности – от расцвета к упадку и наоборот, а вот причины этих переходов различны. Современный исследователь А. Н. Данилов, рассуждая на эту тему, подчеркивает, что «трансформационный период в общественном развитии – особая историческая подсистема, в которой обнаруживается своя структура, свое устройство, свои тенденции развития и свои методы регулирования» [2, с. 10].

Трансформация западной государственной системы, как правило, идет снизу вверх – дезорганизация и дезинтеграция общества приводит к свержению и смене правящих структур. В России в большинстве случаев трансформация системы государственного управления начиналась сверху – с ослабления верховной власти из-за потери ею легитимности и субъектной силы. Это обстоятельство дезавуировало идею порядка и единства, ассоциировавшуюся с законным авторитарным правителем и цементирующую общество, что приводило к его расколу на полярные группы и к поиску новой легитимной и сильной власти. К примеру, В. В. Ильин и А. С. Ахиезер определяют раскол как «существенное расхождение между формами интеграции общества, прежде всего административно-государственной и культурной» [3, с. 247].

Именно по этим причинам в России сложился уникальный институт самозванства. Ведь почти все социальные потрясения, сопровождавшие русскую смуту, такие как восстания под руководством Лжедмитрия первого и второго, Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева, проходили под знаком борьбы с чиновничьей элитой за обретение законного государя. Причем законным в глазах народа считался только представитель правящей династии, получивший власть наследным путем, все остальные формы передачи власти, такие как выборы и назначения, им не признавались.

Размышляя о характере исторического развития российского государственного управления, А. С. Панарин показывает, что течение российского исторического процесса обусловлено взаимодействием «народа (мира), царя, наделенного теократическими полно-

мочиями защитника правды-справедливости, и своевольного боярства» – чиновничества [7, с. 250]. Все периоды упадка, смуты в российской истории, по его мнению, связаны с предательством управленческой элитой государственных интересов ради достижения личной или корпоративной выгоды.

Потеря правящей элитой легитимности и субъектности явилась, на наш взгляд, одной из главных причин падения российского самодержавия и прихода к власти большевиков. Разрушив монархию и установив диктатуру пролетариата, большевики, по сути, реанимировали авторитарную модель государственного управления, но в более жестком и абсурдном варианте. С точки зрения В. В. Ильина и А. С. Ахиезера, «советская государственность оказалась беспрецедентным гибридом массовой архаичной формы локального управления... и постоянно рождающегося из него авторитаризма... вплоть до тоталитаризма» [4, с. 191]. Именно несовместимость демократической формы государственного управления и его самодержавной сущности, усугубившаяся со временем, привела к неразрешимым противоречиям между властью и народом, расколовшим Советское государство. Советская власть агонизировала в прямом и переносном смысле, что и разрушило государственную систему.

Государство, созданное на руинах советской системы в постперестроечный период, как управляющая система было слабым из-за его недостаточной легитимности. Многие современные исследователи указывают на то, что реформаторы поспешили разрушить социалистическую систему и продекларировать демократическую, не проводя при этом реальных преобразований

российской государственности. Исполнительная власть из-за проводимой ею антинародной политики находилась в непримиримом противостоянии с законодательной, что «не только не способствовало наполнению конституционно-правовой оболочки постсоветской государственности реальным правовым содержанием, но и предопределило ее эволюцию в противоположном направлении» [1, с. 654].

Президент и правительство, несмотря на установление и закрепление в Конституции президентской властной монополии, не имели ни реальной власти, ни поддержки народа. Фактически страной управляла верхушка административной бюрократии и крупный российский бизнес, представленный отдельными, часто одиозными личностями, названными впоследствии олигархами. Слабая власть также пользовалась небескорыстной поддержкой федеральной и местной бюрократии и региональных лидеров, частные интересы которых она протекционировала, что, конечно, усиливало центробежные процессы в стране.

В настоящее время президент получил надежный народный источник легитимности, и по всем признакам мы переживаем сейчас период относительно устойчивого и стабильного развития системы государственного управления. Но для того чтобы эти процессы стали необратимыми, нужно расширять местное самоуправление, которое уравнивает властную вертикаль, обеспечит равноправные взаимовыгодные отношения между субъектом и объектом управления, что послужит укреплению системы российского государственного управления и формированию гражданского общества и правового государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. 704 с.
2. Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Мн.: Харвест, 1998. 432 с.
3. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997. 384 с.
4. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Изд-во МГУ, 2000. 304 с.

ФИЛОСОФИЯ

5. *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С.* Реформы и контрреформы в России. М.: Изд-во МГУ, 1996. 400 с.

6. *Панарин А. С.* Реванш истории: российские стратегические инициативы в XXI веке. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. 392 с.

7. *Панарин А. С.* Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.